

Алексей Малашенко

НОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОССИЯ

Исторический процесс не просто смена общественных систем, политических доктрин и череда научно-технологических революций, но также и сосуществование устойчивых на протяжении веков великих региональных цивилизаций, конфессиональных сообществ, сохраняющих вопреки эволюции материальных сторон бытия свои генетические признаки и ценностные ориентации, которые детерминируют нормативы поведения людей и их мировосприятие.

Среди противоречий - социальных, экономических, политических - особую роль играли различия межрелигиозные. Конфессия, будучи менее динамичной, чем, пользуясь марксистской идиомой, "базис общества", придает ему устойчивость и, если угодно, консерватизм, без чего то, что принято именовать прогрессом, легко принимает крайние формы и, нарушая революционным путем сложившиеся нормы межчеловеческих отношений, приводит к национальным, социальным и прочим катаклизмам.

Взаимные антитезы цивилизаций рассматриваются большинством исследователей, прежде всего политологами, как нечто заведомо вторичное, имеющее опосредованную и слабую связь с непосредственными перипетиями социально-политического развития. Публикация вроде хантингтоновского "Столкновения цивилизаций" ("Clash of Civilisations") вызывают реакцию отторжения у обслуживающих политический истеблишмент экспертов и в США, и в Европе, и в России. В общественной науке доминирует социологический подход с упором на социально-экономические факторы. Цивилизационные же аспекты по-прежнему находятся на периферии исследовательского интереса.

Цивилизационный фактор учитывается почти исключительно как прикладной и при анализе ситуации в мусульманском мире, в том числе на пространстве бывшего СССР и в соседних с ним государствах, включая Иран, Афганистан, Пакистан и др. Прямо или косвенно игнорируется тот факт, что революция в Иране была именно исламской, а Советская страна включала в себя сегменты двух цивилизаций - христианской и мусульманской, - сосуществование которых в пределах одного государства всегда таило в себе внутренний конфликтный потенциал.

Конечно, не трудности межцивилизационного взаимодействия явились непосредственной причиной коллапса Советского Союза. Но было бы некорректно не учитывать то, что входившие в его состав мусульманские территории были присоединены к России насильственно, а отношения между людьми на межличностном и общественном уровнях в значительной степени регламентировались в Центральной Азии исламской традицией, и потому эти земли в равной степени могли считаться как мусульманскими (1), так и советскими. Точно так же было бы неверно игнорировать значение цивилизационного фактора при оценке перспектив интеграции государств бывшего СССР или более акцентированной ориентации новых государств Центральной Азией на мусульманский мир.

Представляется интересным мнение российского востоковеда Г.В. Милославского, который считает, что в рамках СССР "сложилась целостная цивилизационная система" и что "Центральная Азия находится в двух измерениях" (2). Если вторая часть этого высказывания бесспорна, то первая, содержащая утверждение относительно образования в пределах Советского Союза некой новой цивилизационной системы, вызывает сомнения хотя бы в силу того, что, например, Эстония и Туркменистан ни по каким параметрам не могут быть включены в общую для них обеих цивилизацию (если, конечно, исходить из классических ее определений). Более справедливой представляется формулировка культуролога Бориса Ерасова, который считает, что советская

система "была заменой (выделено мной. - А.М.) того универсального порядка, который формируется цивилизацией, ее духовными и социальными структурами" (3).

Мировой опыт показывает, что, как бы ни складывались социально-экономические отношения или политическая система в том или ином обществе, они при всей их значимости реализуются с обязательным учетом цивилизационных нормативов и не в силах разрушить исторически сложившуюся и опирающуюся на конфессиональную традицию цивилизационную константу, которая при любой деформации со стороны внешних и внутренних сил способна к саморегенерации. Цивилизационный фактор, увы, "не просчитывается" с помощью статистики и вряд ли может быть корректно и всесторонне описан в социологических категориях. Он является, с одной стороны, ландшафтом, на котором происходит экономическое развитие и свершаются политические перипетии, а с другой - представляет собой набор устойчивых стереотипов и норм поведения, определяющих межличностные отношения. Попросту говоря, ислам не исчезает при любых экономических преобразованиях или под воздействием эволюции науки и технологии, точно так же, как и мусульмане всегда остаются мусульманами, т.е. сохраняют, разумеется с поправкой на эпоху, свой социокультурный стереотип.

В исламе этот стереотип более стабилен и, если можно так выразиться, "всепроницающ", во-первых, благодаря специфике ислама, в котором нет свойственного христианству жесткого деления на светское и духовное, а во-вторых, в силу того, что мусульманский мир в экономическом и научно-техническом отношении оказался не столь продвинут вперед, как мир еврохристианский, и потому не испытал столь жесткого пресса перманентной модернизации.

Частью этого мира является регион Центральной Азии, в котором советские черты волею судеб оказались сочлененными с исламской традицией.

Отметим предварительно, что само понятие "Центральная Азия" как регион выглядит в немалой степени искусственным. В собственно географическом плане входящие в регион территории распадаются на три крупных анклава - северный, северо-восточный и южный, причем последний также весьма неоднороден. Лишь с большой степенью условности общим для всей территории геофизическим сегментом можно признать Арал (и Приаралье). Более органично сочетание гор Памира, речной системы и пустынь Узбекистана и Туркменистана, но зато они не соотносятся с северными землями.

Представляется, что у народов, населявших Центральную Азию, не было общего экономического начала: между кочевниками северного Казахстана, Туркменистана и оседлыми жителями остальных территорий не сложилось прочных системообразующих связей. Отличались и внешнеэкономические связи, ориентированные скорее вовне, а не вовнутрь региона. Логика наших рассуждений неожиданным образом подтверждается мнением российского тюрколога Сергея Кляшторного, который считал, что "в свое время перед Казахстаном (как конгломератом племен. - А.М.) было три альтернативы - туркестанская, китаецентристская и российская (4).

Наконец, не существует устойчивых региональных границ у проживающих в Центральной Азии этносов. Нет никакого водораздела между "советскими" узбеками, таджиками, туркменами и их единоверцами из сопредельных южных и восточных стран - Афганистана, Ирана и Китая. Не может быть признаком единства региона и его конфессиональная принадлежность, ибо к мусульманскому миру относятся все страны к югу от Центральной Азии.

Разумеется, нельзя абсолютизировать внутрорегиональные различия, утверждая, что между странами и народами, населяющими Центральную Азию, вообще нет ничего общего. Да и большинство специалистов по-прежнему воспринимают и пытаются анализировать ее как экономическую и социокультурную общность, апеллируя к принадлежности большинства ее жителей к тюркским народам, некоторой схожести в историческом развитии и т.д. Однако главный акцент при оценке перспектив Центральной Азии исследователи делают прежде всего на то, что это постсоветский, или - шире - составлявший часть Российской империи, регион, что, по сути дела, и

принимается за системообразующий признак ее единства.

В последнее время предпринимаются попытки преодолеть подобное восприятие Центральной Азии. В России этот вопрос пытается переосмыслить политолог Вячеслав Белокриницкий, который заменил дефиницию "Центральная Азия" термином "Центральноазиатский регион", включив в него, кроме бывших советских республик, Афганистан, Иран и Пакистан (5). Его идея пока что не получила широкого распространения среди российских экспертов. Однако в любом случае она позволяет выйти за рамки привычных подходов и искать ключ к решению многих проблем бывшей советской Средней Азии, не только непосредственно внутри ее самой, но в сопредельных странах. Такой подход предполагает более интенсивное изучение двусторонних (или более) отношений как в границах Центральной Азии, так и за ее пределами, активизацию деятельности старых и вновь возникших группировок и организаций, таких, например, как Организация экономического сотрудничества (ОЭС), а также более адекватную оценку совокупности всех интеграционных и дезинтеграционных процессов той системы, в рамках которой новые государства, собственно говоря, и возникли.

Иногда ко всему этому добавляют в качестве общей проблемы "выбор пути развития". Однако данный вопрос каждое государство решает самостоятельно; в некоторых случаях уже сегодня очевидно, что "выбор пути" любым из них увязывается не только и даже не столько с региональным сотрудничеством, но выходит за его пределы. Каждая страна решает эту проблему, сначала исходя из своих национально-государственных интересов, а уже затем - да и то далеко не всегда - учитывая свою принадлежность к региону. К тому же все страны Центральной Азии ориентируются на зарубежные модели развития.

С учетом всего сказанного выше, помня о многообразии социальной, экономической, политической жизни в Центральной Азии, попытаемся сосредоточить внимание на перспективах отношений ее стран с Россией, причем прежде всего с точки зрения влияния на эти отношения цивилизационного фактора. В данном случае мы не собираемся сводить этот фактор к религии, что в принципе допустимо, но накладывает на анализ понятные ограничения. Речь идет о том комплексе традиций, который вопреки трем главным движителям советской системы - индустриализации, коллективизации и культурной революции - все-таки сохранился и в деформированном виде постоянно воссоздавался и воссоздается как в социальных отношениях, так и в сознании людей.

По-своему проявляется он и в экономике.

В первой половине 90-х годов среди специалистов и политиков преобладало мнение, что именно экономика станет той сферой, с которой начнется и которая обеспечит реконструкцию полноценных отношений между Россией и Центральной Азией. Тема эта поднималась в публичных выступлениях российского премьера Виктора Черномырдина, президентов Акаева, Назарбаева, Каримова, Ниязова, поначалу искренне видевших в восстановлении экономических связей своих стран с РФ панацею от всех хозяйственных и финансовых трудностей. Более сдержанную позицию изначально заняли российские технократы, не забывающие, что именно на государства Центральной Азии приходится 37,65% (1995 г.) всего внешнего долга России. И погашать этот долг бывшие советские республики не торопятся, да и не в состоянии это сделать.

Вместе с тем очевидно и то, что интенсивное сотрудничество России и Центральной Азии таит в себе немалые скрытые опасности, поскольку консервирует низкий уровень существующих с советских времен технологий, производительности труда, качества произведенной продукции. Эти отношения являются формой продолжения тех связей, которые сложились между центром и периферией еще в советский период. Как известно, советская экономическая система создавалась без учета специфики среднеазиатского общества и функционировала как бы вне его. Экономист из Санкт-Петербурга Ольга Дмитриева пишет, что "в СССР применялись к Центральной Азии те же методы, что и к европейским частям России", и "вопреки любым критериям экономической эффективности, соображениям социального порядка там были выбраны капиталоемкие варианты"

(6).

Известно также, что для создания современного индустриального сектора в Центральной Азии не имелось и не могло быть достаточного количества квалифицированных кадров. Подавляющая часть ее населения была занята в сельском хозяйстве, городские жители ориентировались на мелкое кустарное производство и торговлю. "Работа в промышленности, - пишет узбекский ученый Талиб Саидбаев, - сложна для узбека не только психологически. Она требует длительного пути к профессии" (7). Путь этот в основном так и не пройден большинством коренного населения, о чем говорят многочисленные статистические данные, свидетельствующие, что даже в сравнительно урбанизированном Узбекистане доля лиц коренной национальности, занятых в промышленном производстве, не превышает 35%. В остальных республиках этот процент еще ниже. Можно согласиться с мнением московского экономиста Юрия Александрова о том, что в Центральной Азии преобладает "разделение общества по линии, проходящей между сферой индустриального труда и теми видами экономической деятельности, участие в которых не противоречит системе ценностных ориентаций" (8). Следовательно, большая часть общества в центральноазиатских республиках оказалась вне современного промышленного сектора, способного обеспечить экономическое единство различных регионов СССР.

Тем не менее традиционные хозяйственные уклады вполне могли бы участвовать в межрегиональном разделении труда. Однако на практике поступление сельскохозяйственной продукции из Центральной Азии в Россию было ограниченным или приводило к деформации традиционного сектора, чему пример - гипертрофия хлопковой культуры. Традиционный сектор, в котором была занята большая часть коренного населения, обслуживал внутренние потребности своего общества и не был жестко привязан к современным секторам СССР. Проведение в Центральной Азии сельскохозяйственных работ не требует обязательного применения совершенной техники, широкого использования удобрений (неумелое использование гербицидов привело к тяжелейшим экологическим последствиям). Более того, модернизация традиционного сектора неизбежно вызывала и вызывает массовый рост безработицы (скрытой при советской власти), а следовательно, и социальную нестабильность.

Функционировавший в целом автономно от советской экономической системы, традиционный сектор явился материальной базой, на которой в центральноазиатском обществе зиждились традиционные поведенческие нормы и соответствующий им менталитет. И сегодня этот сектор экономики, оставаясь практически самодостаточным, не нуждается для поддержания своего существования в сохранении и развитии отношений с Россией. Даже если исходить из признания неизбежности развития экономических связей между Россией и Центральной Азией, все равно традиционные уклады, находящиеся на доиндустриальной, патриархальной стадии своего развития, вряд ли будут в них инкорпорированы.

Можно предположить, что традиционный сектор в какой-то степени может стать фактором экономической интеграции с Россией при постепенном налаживании торговли, т.е. поставлять сельскохозяйственные продукты в обмен на российские товары. Однако и в этом случае возникают немалые сложности - транспорт, налогообложение и, наконец, высокая себестоимость российской промышленной продукции и ее низкое качество по сравнению с аналогичной продукцией из азиатских стран, например Китая, Турции, государств Юго-Восточной Азии. Повсеместное распространение дешевого азиатского ширпотреба оказывается фактором отторжения от России, демонстрируя превосходство над ней зарубежных, в том числе и мусульманских, стран. По мнению Александра Акимова, "проблема определения перспектив экономической интеграции России и Центральноазиатского региона... довольно сложна. Объективные предпосылки взаимодействия экономик слабы: нет общей экспортной специализации... нет структурной взаимодополняемости экономик; нет потребности в объединении рынков" (9).

Также неспособна Россия показать странам Центральной Азии позитивный пример создания рыночной экономики. В этом плане, заметим, большую привлекательность для них представляет

опыт Китая.

Тем не менее не экономика, роль которой в области российско-центральноазиатской интеграции амбивалентна, является безусловным фактором взаимного отчуждения. Главным здесь остается принадлежность России и Центральной Азии к различным цивилизациям. Известно, что этот тезис решительно оспаривается большинством политиков и ученых, которые, напротив, настаивают на том, что междивизиационное общение ведет к взаимообогащению народов, способствует развитию их культур. При этом, однако, упускается из виду (как правило, сознательно) то обстоятельство, что именно исламо-христианское пограничье аккумулировало в себе конфликтный потенциал, чему подтверждением в том числе являются события, последовавшие за распадом двухполюсного мира. Обстановка непосредственно на конфессиональных рубежах между различными этносами и государствами была и остается напряженнее, чем на гипотетической границе междивизиационного общения и взаимодействия, которая проходит по залам и аудиториям научных симпозиумов и политических форумов.

По Сэмюэлу Хантингтону, на северных рубежах "мусульманского региона" конфликт будет разворачиваться между православным и мусульманским населением (10). К тому же, как замечает Борис Ерасов, "за советский период Россия не могла вести культурный диалог с высоким исламом" (11). Причем в мусульманском Поволжье о таком диалоге речи вообще не могло идти, поскольку ислам здесь подавлялся почти столь же резко, сколь и православие. В Средней же Азии, где мусульмане составляли большинство и конфессиональная традиция обнаружила большую способность к сопротивлению, некое подобие "диалога" между советской властью и исламом все-таки состоялось.

В результате этого весьма специфического диалога была подавлена (частично уничтожена) местная духовная элита, мусульмане были оторваны от внешних очагов исламской традиции на Ближнем Востоке и изолированы от собратьев по вере, приостановлен процесс исламского реформаторства (джадидизма), разрушена система религиозного образования. Это привело к безусловному доминированию так называемого народного синкретического ислама, в котором собственно исламские нормы и традиции сплетались с доисламскими обычаями. Изжить этот народный ислам, бывший частью образа жизни коренного населения Центральной Азии, было не под силу даже коммунистам. Таким образом, ислам, сохранившись на бытовом уровне, остался одним из основных факторов, регулирующих отношения среди людей, а также между индивидом и общиной. Особенно характерно это для сельской местности, где сосредоточено большинство коренного населения." Так как большая часть местного населения живет в сельской местности, сила религиозной культуры начинает сказываться в крупных городах, и особенно в педагогических институтах, куда поступают абитуриенты из села" (12), - пишет американская исследовательница Иден Наби.

Здесь следует сказать и о том, что в первые годы после распада СССР и обретения бывшими советскими республиками независимости ислам и чувство этнической идентичности фактически представляли собой единый фактор." Возникновение исламского ренессанса связано с ростом национализма и с медленно созревающим среди интеллигенции самосознанием, которое выразилось в возрождении исламских традиций" (13).

Именно в это время у народов Центральной Азии проявилось неистребимое желание ощутить себя не как часть советского народа, а как "полноценную нацию, как конфессионально-культурную общность. "Homo tadjicus" и "homo uzbekus" призваны сменить "homo sovieticus", от которого им досталось тяжелое наследство" (14). Исследователь из Турецкого агентства по международному сотрудничеству Гунден Пекер противопоставляет понятию "homo sovieticus" другое - "homo islamicus" (15). Одновременно это явилось шагом в направлении междивизиационного размежевания, принимавшего впоследствии самые разные, в отдельных случаях очень жестокие формы. Показательна в этом плане проблема выбора государственного языка, решение которой не завершено и по сей день. Изначально, с 90-х годов этот выбор не был детерминирован практическим расчетом, но имел в основном символическое значение.

В дискуссии о языковой приоритетности языка видится своеобразное несфокусированное отражение спора о перспективах сотрудничества центральноазиатских государств с Россией и даже в известном смысле - о воссоздании в том или ином виде СССР.

Интересно, что вопрос о реконструкции СССР или схожего с ним государственного образования практически никогда не затрагивался в социологических исследованиях. Как исключение упомянем проводившийся в 1994 г. в Казахстане независимым Институтом Гилера блиц-опрос, 80% участников которого заявили, что считают СССР "большим злом" (16). Уместно вспомнить и негативную реакцию в Центральной Азии на принятое в феврале 1995 г. Государственной думой России решение об отмене Беловежских соглашений, в чем местные политики и средства массовой информации единодушно усмотрели претензию на возрождение СССР. Болезненное восприятие лидером Узбекистана - Исламом Каримовым - договора между Белоруссией и Россией о создании Сообщества суверенных республик, в частности, выразилось в том, что его аббревиатура (ССР) напоминает, по его мнению, "близкое сердцу некоторых авторов звучное название СССР" (17).

Не встретила понимания у большинства и выдвинутая президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым идея Евразийского союза (ЕАС), которая, по мнению того же Каримова, "была изначально мертва" (18). Негативно отнесся к ЕАС и президент Туркменистана Сапармурад Ниязов.

История с провалом ЕАС - еще один, и притом достаточно весомый, аргумент в пользу того, что Центральная Азия отнюдь не "монолитный регион", и интересы расположенных там государств, в том числе и их тяготении к России, далеко не всегда совпадают. Интерес к ЕАС президентов Казахстана и Киргизстана обусловлен прагматическими расчетами. Среди них - подспудный страх перед потенциальной экономической, а впоследствии, возможно, и иной экспансией Китая (в свою очередь мечтающего о стабилизации ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где на протяжении последних лет резко активизировалась исламо-уйгурская оппозиция, поддерживающая контакты с казахскими уйгурами).

Что касается скептицизма Каримова и Ниязова, то в основе его - надежда на собственные силы, а также на помощь со стороны зарубежных стран. Президент Туркменистана делает основную ставку на кажущиеся неисчерпаемыми ресурсы углеводородов, мечтая (или, как минимум, демонстрируя волю) превратить свою страну во "второй Кувейт". Расчет Узбекистана сложнее и строится на интенсивном развитии комплексных связей с целым рядом западных и восточных государств, а также на намерении (скорее явном, чем закамуфлированном) сыграть в Центральной Азии роль Туниса или даже Турции, которые в 60-е годы (таков был замысел западных политиков) должны были предстать перед общественным мнением Европы и Северной Америки как удачливые имитаторы Запада, т.е. выглядеть наиболее продвинутыми по пути энергичной, но вместе с тем и разумной вестернизации. Таким образом, ведущую роль играют здесь практические соображения, правда еще и подкрепленные идеологическими выкладками.

Нельзя забывать о том, что евразийская идея возникла и сформировалась в российской общественной мысли; она всегда исходила от России и отражала прежде всего ее государственные интересы, в частности стремление сохранить контроль над завоеванным и освоенным ею пространством. Мусульманам же - советским, российским - эта идея всегда была непонятна, чужда, во всяком случае, малознакома. В ограниченных масштабах она сегодня имеет сторонников среди части мусульманской культурной элиты России, а также русифицированной центральноазиатской интеллигенции (19).

Если российские сторонники евразийства увидели в идее создания ЕАС возможность "предотвращения конфликта цивилизаций" и "попытку предотвратить новое отчуждение России и Азии" (20), то для многих центральноазиатских политиков это, по сути, в первую очередь форма "собирания" Россией бывших республик СССР.

В то же время отметим неприемлемость евразийства для определенного направления в русской националистической оппозиции, выражая взгляды которого академик Никита Моисеев заметил, что

Россия является самостоятельным социокультурным феноменом и что "если мы не Европа, то мы и не Азия" (21). Сошлемся, наконец, на писателя Александра Солженицына, который настаивает на том, что "Центральная Азия нам чужда" (чем, заметим, заслужил ненависть русифицированной части коренной интеллигенции региона).

В известном смысле евразийская идея представляет собой антитезу как стремлению центральноазиатских государств к независимости от России, так и их жесткой ориентации на мусульманский мир, чего опасаются не только московские правители, но и их их vis-a-vis из оппозиции. Характер отношений России с мусульманскими соседями, стабильность (или кризисы) на южных ее границах в немалой степени влияют на ее положение в Европейском союзе, которое неизбежно претерпит изменения в связи с расширением НАТО на Восток. В свою очередь влияние России в Европе несомненно сказывается на ее авторитете в Центральной Азии. "За дипломатическим поражением России в конкуренции с НАТО, - пишет аналитик "Казахстанской правды", - просматривается сдача ее позиций в других сферах" (22).

Осенью 1996 г. Россия попыталась поднять свой авторитет одновременно в глазах и Центральной Азии, и Европы, разыграв карту исламского фундаментализма. Когда в сентябре 1996 г. военизированное исламистское движение "Талибан" захватило столицу Афганистана Кабул и установило свой контроль над большей частью страны, создав угрозу распространения радикального ислама в северном направлении, Кремль предпринял энергичные меры, чтобы изобразить себя главным гарантом на пути потенциальной фундаменталистской экспансии. В течение нескольких недель в сентябре - начале октября на первой волне страха перед талибами центральноазиатские государства действительно увидели в России сдерживающую их силу. Однако уже к концу 1996 г. страх перед талибами уступил место стремлению найти с ними компромисс. Тем более что движение "Талибан" было создано при участии министерства внутренних дел Пакистана и о его деятельности были информированы Соединенные Штаты. Акции талибов были согласованы (хотя документально это пока что подтвердить нельзя) с президентом Туркменистана Сапармурадом Ниязовым: по контролируемой талибами афганской территории планируется прокладка газопровода Туркменистан - Пакистан, в которой участвуют также американская компания UNOCAL и саудовская "Delta Oil Company".

Рискнем высказать соображение, что после первого вызванного наступлением талибов шока правительства сопредельных с Афганистаном стран склонны рассматривать эти события, скорее, как "внутримусульманское дело". Особенно это характерно для Узбекистана, который с конца 1996 г. почти в открытую выступает в качестве противовеса российскому влиянию на Памире и вокруг него. Как утверждает влиятельный среди таджикской оппозиции муфтий Акбар Тураджонзода, в Москве начинают опасаться Узбекистана как потенциального конкурента в борьбе за сферы влияния в регионе (23).

Осознание центральноазиатскими государствами своей принадлежности к мусульманскому миру реализуется на практике неоднозначно. По замечанию американки Марты Брилл Олкотт, "среди сюрпризов, которые принесла с собой независимость Центральной Азии, было открытие того, что ислам в советское время оказался намного более распространен, чем ранее предполагалось" (24). Различие в вероисповедании отдаляет Центральную Азию от России, создавая и расширяя культурную дистанцию между обеими крупнейшими цивилизационными анклавами бывшего СССР. В то же время ислам - лишь один, пусть даже и очень важный фактор, увеличения культурной и психологической дистанции. Среди других факторов назовем переориентацию исторической памяти коренных народов: они все острее ощущают себя завоеванными Россией, в то время как в самой России русские полагают себя завоевателями. Из недавней же исторической памяти стирается воспоминание об общей победе в Великой Отечественной войне (тем более что молодому поколению теперь не всегда понятно, чье отечество защищали их отцы). Происходит переоценка советского времени, все более воспринимаемого в обществе, в первую очередь среди молодежи, как трагическое.

Нельзя игнорировать и то, что можно определить как "психологическую усталость" от совместного проживания разных этносов и конфессиональных общин в общем государстве, которое к тому же за одними признавало право на старшинство, а другим отводило роль "младших братьев".

Особенно остро рост культурной дистанции чувствует коренная "русскообразованная" творческая интеллигенция, писатели, артисты, осознающие, что их творчество становится своего рода архаизмом, достоянием прошлого. Отголоски этой горечи слышатся в последних произведениях и особенно в публицистических статьях Олжаса Сулейменова, Чингиза Айтматова и других прозаиков и поэтов, чей талант раскрылся в советский период.

Необратимо увеличиваются и различия в системе и идеологии гуманитарного образования, где место советских коммунистических установок успешно занимают конфессиональные и национальные ориентиры.

Против притяжения к России действует растущее этническое сознание, которое при советской власти если не подавлялось, то, как минимум, игнорировалось, а теперь становится одним из ведущих векторов не только общественного менталитета, но и официальной идеологии центральноазиатских стран. "Национальная чувствительность у создателей новых независимых государств более высока, чем у их исторических предшественников в составе Российской империи и СССР" (25).

Все это вместе взятое делает реакцию отторжения государств Центральной Азии от России естественной, в каком-то смысле неизбежной. Косвенно это подтверждается нарастающей волной эмиграции оттуда русскоязычного населения, которое на собственном примере не только ощущает "резкое повышение этнокультурной дистанции, особенно между славянским и коренным населением" (26), но также наблюдает ослабевающий здесь авторитет России, ее незаинтересованность и неспособность сохранять здесь свое бывшее влиятельное положение.

Придется признать, что и в дальнейшем, если не произойдет ничего чрезвычайного (а такое на постсоветском пространстве исключать никогда нельзя), дистанция между Россией и Центральной Азией будет возрастать, и для поколения, которое появилось на свет в 80-е годы, пребывание их родины в СССР и "особые отношения" с Россией окажутся историческим сновидением.

Ислам в этом феномене отторжения поставлен на первое место отнюдь не случайно. Вполне вероятно, что в какой-то момент Россию и некоторые государства Центральной Азии сильнее, чем сейчас, подтолкнут навстречу друг другу долгосрочные экономические интересы. Будет меняться энергия националистического накала, постепенно забудется комплекс неполноценности перед лицом бывшего "старшего брата". Сохранится - пусть и в ограниченных масштабах - взаимовлияние и взаимодействие культур, языковые различия частично будут преодолены с помощью перевода. В конце концов, чужой язык можно выучить. Различие же в конфессиях, при всем том, что в новейшее время оно преимущественно остается в тени социальных и этнополитических коллизий, наиболее фундаментально, и дистанция между конфессиями непреодолима. Диалог между конфессиями, который в 90-е годы с должной настойчивостью ведут как духовные лица, так и светские деятели, не означает стирания границ между ними; напротив, судя по всему, они не только не исчезают, но становятся более рельефными. В таком устойчивом обособлении видится реакция на формирование в мире "усредненной" культуры как ответ на универсализацию духовных ценностей.

Благодаря "исламскому ренессансу" будущему российскому руководству придется иметь дело с новым поколением центральноазиатских лидеров, которые уже не могут быть охарактеризованы как "постсоветские". Для грядущей правящей элиты, а в равной степени и оппозиции, которая будет действовать в обществе с иным, отличным от советского менталитетом, обращение к исламу станет не только инструментом политической интриги, но и одним из столпов собственных убеждений. Действуя в мусульманском обществе, они объективно (пусть в разной степени) окажутся носителями мусульманской политической традиции, которая включает в себя признание

неразделенности светского и духовного начал, предрасположенность к "исламской теократии", авторитаризм. Они обратятся к близким для мусульман понятиям "исламская солидарность", "исламская экономика", "джихад" и т.п., которые вряд ли будут легко восприняты их российскими партнерами по диалогу.

Наконец, в Центральной Азии - как и в любой другой мусульманской стране - определенную, и притом, возможно, влиятельную, нишу займет политический ислам, или исламизм (27). Уже в 90-е годы исламисты - заметная сила в Узбекистане, их влияние медленно, но неуклонно растет в Казахстане и особенно в Киргизстане, где весной 1995 г. на юге (в городах Баткен, Джалал-Абад, Ош) действовало несколько исламистских групп, требовавших от властей официального признания (28). То же самое происходит в Таджикистане, где исламисты составляют основу объединенной оппозиции, добиваются мест в грядущей правящей коалиции и однажды уже побывали в правительстве. Следует предвидеть возможность появления исламской оппозиции в сохранившем черты тоталитарной системы Туркменистане, где ислам может оказаться чуть ли ни единственной формой внутреннего протеста в обществе.

Опыт послевоенного исторического развития свидетельствует, что в мусульманских странах при провале социально-экономического развития массовое недовольство разочарованных властью людей находит выражение в апелляции к исламу. Так случилось в Иране на рубеже 70 - 80-х, в Судане - в конце 80-х, в Алжире - в начале 90-х годов. В этом ряду стоит и Турция, где на парламентских выборах 1995 г. наибольшее число голосов собрала исламистская Партия благоденствия.

Таким образом, исламисты способны достигнуть успехов даже в сильно вестернизированных государствах, претендующих на участие в политических организациях Европы. Так, начатая турецким реформатором Мустафой Кемалем Ататюрком и растянувшаяся на несколько десятилетий попытка интенсивной вестернизации мусульманского общества выявила ограниченность способности к трансформации его культурных и мировоззренческих стереотипов и обернулась ретрадиционализацией 90-х годов. Опыт Турции не может не заставить задуматься руководителей Центральной Азии, которые видят в ней оптимальный пример сочетания европейского опыта и мусульманской традиции. (Известны и высказывания лидера Партии благоденствия Неджметтина Эрбакана относительно того, что Турция должна стать для Центральной Азии "гарантом истинного ислама".)

Конечно, абсолютизировать успехи исламистов нельзя. Важнее другое, а именно устойчиво нарастающее в последние два десятилетия присутствие исламистской тенденции в общественно-политической жизни мусульманского мира. С этой точки зрения политикам и экспертному корпусу в Центральной Азии имеет смысл отслеживать ситуации, когда на Ближнем Востоке светская власть привлекает исламистов к участию в коалиционных правительствах или в иных административных структурах.

Подобная возможность должна быть учтена и Россией, которой уже приходится иметь дело с Партией исламского возрождения Таджикистана. Исламски ориентированные политики со временем могут прийти в административные органы Узбекистана, других центральноазиатских государств. В известном смысле эту перспективу можно уподобить ситуации, когда доступ в правительство получают представители оппозиционных партий, например коммунистической, более всего его критикующей. В этом случае приходящей во власть оппозиции предлагаются наименее выигрышные посты, связанные с решением социальных проблем. А ведь исламисты традиционно эксплуатируют как раз идею социальной справедливости.

Готова ли Россия к тому, что в будущем ей придется в той или иной форме на государственном уровне общаться с представителями исламистских сил? Несколько лет назад ответ на этот вопрос был почти однозначно негативен. Сегодня в российских правящих кругах произошел определенный сдвиг и к исламизму стали относиться как к естественной для мусульманского мира политической

силе, вести диалог с которой можно и нужно, исходя из стратегических, экономических и каких угодно интересов России. Отношения России с политическим исламом более прагматичны, чем прежде, и в зависимости от ситуации он рассматривается Москвой и как противник, и как партнер. (Видится определенная преемственность относительно внешней политики СССР, который использовал в своих интересах и палестинских исламистов, и ливийского лидера Муаммара Каддафи, и даже пытался разыграть карту исламской революции в Иране.)

В свою очередь и исламские радикалы в середине 90-х годов, похоже, перестали видеть в России исключительно "сатану" и также готовы к диалогу с ней. Тем более важно это в условиях формирования в канун второго тысячелетия геополитической системы, в которой - при безусловном доминировании Запада и растущем влиянии Дальнего Востока, включая Китай, - перед мусульманским миром и Россией стоит реальная угроза оказаться на вторых ролях.

Вместе с тем возрождение в странах Центральной Азии ислама, апелляция на уровне официальной идеологии к исламской традиции совершенно не означают, что религия является единственным фактором в их внешних ориентациях. Здесь мы разделяем двойственную оценку значения ислама, даваемую американской исследовательницей Нэнси Любин, которая полагает, что люди в Центральной Азии стремятся построить "мир, где их исламское, этническое и культурное наследие воспринимается как главенствующее, что не мешает интеграции с более широким международным сообществом или ослаблению этнической напряженности внутри страны" (29).

Очевидно, что "исламский фактор" - как совокупность конфессионально-культурного возрождения, апелляции к исламу местных политиков, активизация политического ислама - способствует обособлению Центральной Азии прежде всего, если не исключительно, от России и совершенно не является препятствием для расширения ее контактов с остальным миром, в том числе с Западной Европой и США. Причины тому легкообъяснимы. Первая состоит в расчете на экономические выгоды от сотрудничества с развитыми государствами. Вторая обусловлена реакцией людей, особенно молодежи, на закрытость и идеологическую ксенофобию советского общества. Третья видится в стремлении правящего класса бывших советских республик занять подобающее место среди мировой политической элиты. Те же или почти те же причины можно назвать в связи с развитием отношений Центральной Азии с немусульманскими государствами Востока - Японией, Китаем, Южной Кореей (в последнем случае немаловажную роль играет проживающая в Центральноазиатском регионе корейская диаспора). Можно утверждать также, что народы Центральной Азии идентифицируют себя не только с мусульманским, но также и с "третьим миром", хотя ныне это понятие становится все более аморфным.

В ходе проведенных в Казахстане и Узбекистане социологических обследований большинство опрошенных высказались в пользу того, что за экономической помощью в первую очередь следует обращаться к Западу и Японии, а не к мусульманским странам (30).

Даже сотрудничество с Турцией, которое, как казалось поначалу, должно было стать для Центральной Азии магистральным направлением, не принесло обеим сторонам ожидавшихся результатов. Очевидно, что в Центральной Азии рассчитывали скорее на финансовую и иную помощь, чем на полноценную кооперацию, к которой обе стороны не были готовы. Тем более что экономически Турция более ориентирована на Европу. Несостоятельной оказалась и идея сотрудничества под эгидой Турции тюркских народов. "Турция расстается с мечтой о Шелковом пути, призванном соединить Босфор с Великой Китайской стеной путем объединения всех турок" (31/A>).

Еще аморфнее связи с Ираном, который, во-первых, сам испытывает перманентные экономические трудности, а во-вторых, является в глазах центральноазиатских политиков источником революции, пусть и исламской, но все равно несущей своим соседям угрозу дестабилизации. Известно, что в 1995 г. из Туркменистана и Узбекистана было выслано несколько иранских проповедников радикального толка. С одной стороны, религиозный радикализм Ирана сдерживает развитие его

связей с центральноазиатскими государствами. Достаточно вспомнить о заявлениях лидеров Центральной Азии (Каримова, Назарбаева, Акаева) о том, что именно их государства являются барьерами, препятствующими распространению исламского фундаментализма. Таким образом, в ирано-центральноазиатских отношениях ислам причудливым образом оказывается фактором, сдерживающим их сближение, хотя в публичных выступлениях ведущих политиков и особенно духовенства подчеркивается конфессиональное единство региона.

С другой стороны, Иран предпринимает целенаправленные усилия по активизации внутрирегионального (в широком смысле) сотрудничества. Наиболее заметным успехом здесь стало строительство железной дороги Теджен - Серахс - Мешхед, участие Ирана в прокладке Трансазиатско-европейской оптико-волоконной линии связи.

Нельзя игнорировать и попытки стран Центральной Азии наладить межрегиональные контакты. Хотя и тут следует оговорить то обстоятельство, что взаимное тяготение определяется в большей степени практическими, а не идеологическими намерениями. Этот вопрос горячо обсуждается в ходе многочисленных деловых встреч и на страницах центральноазиатской печати. Но, как представляется, сформировать здесь более или менее устойчивые "поля притяжения" еще только предстоит.

Формирование новых ориентаций является, по существу, центральным вопросом для недавно образовавшихся государств Центральной Азии. Сегодня они стоят на перепутье, и та система связей, которую им удастся создать, в значительной степени определит модель их будущего развития.

Центральная Азия будет постепенно преодолевать свою советскость, и ее общество станет функционировать в соответствии с законами - пусть и деформированными - рыночной экономики с учетом специфики местных конфессиональных и этнокультурных традиций.

Утрата Центральной Азии своей главной общей черты - былой принадлежности к СССР - ведет к большей дифференциации региона на государственном уровне. Каждое государство озабочено прежде всего своими конкретными национальными интересами, все чаще выходящими, причем в различных направлениях, за пределы региона.

Общий региональный вопрос для всех государств Центральной Азии - ее отношения с Россией. В середине 90-х годов, несмотря на усилия Казахстана и Кыргызстана, наметилась тенденция отхода от России, интересы которой все чаще вступают в противоречие с внутренней и внешней политикой центральноазиатской элиты. Очевидно, эта тенденция будет нарастать вплоть до некоего момента, когда дальнейший отход от России может привести к нежелательным последствиям для самих этих государств. Речь идет, в частности, о нарушении баланса политических и экономических сил в Евразии, при котором может произойти "переподчинение" отдельных сегментов Центральной Азии Китаю, а других - более могущественным мусульманским соседям.

Устойчивым и "неконъюнктурным" фактором взаимного отчуждения России и Центральной Азии является их разная конфессиональная принадлежность. Исламо-христианская цивилизационная граница становится государственной границей. Однако при этом принадлежащие к разным цивилизациям страны имеют все шансы установить нормальные добрососедские отношения.

В остальном же сегодняшняя элита Центральной Азии, выбирая себе экономических партнеров и политических союзников, будет и впредь руководствоваться в первую очередь практическими соображениями, а не идеологемами, в том числе связанными с конфессиональной принадлежностью. Следовательно, формирующиеся и покуда недостаточно устойчивые ориентации в недалеком будущем могут быть изменены.

Однако вопреки прагматизму правительств на политику государств Центральной Азии безусловно будет оказывать влияние исламский фактор, о чем свидетельствует их принятие во все крупные

международные мусульманские организации и их растущее влияние на "внутримусульманские" дела. Достаточно хотя бы упомянуть их членство в Организации Исламская конференция. Одновременно в этих странах набирает влияние исламское политическое движение, которое уже вмешивалось и еще не раз вмешается в их социально-политическую эволюцию, меняя нынешние ориентации и создавая новые.

1. Эта проблема убедительно раскрыта этнологом С.П. Поляковым в работах: Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989; Историческая этнография Средней Азии и проблемы ареальной типологизации и периодизации: Научный доклад. М., 1993.
2. См.: Милославский Г. Интеграционный потенциал региона // Восток. 1996. No. 5. С. 8.
3. Ерасов Б. Россия в центральноазиатском геокультурном комплексе // Россия и мусульманский мир". 1994. No. 1. С. 6.
4. Кляшторный С. Геополитическая перспектива и цивилизационный выбор // Независимая газета. 1996. 24 декабря.>... и лишь одна из них имеет непосредственную привязку к Центральной Азии".
5. См.: Белокриницкий В. Генезис и основные характеристики региона // Центральная Азия. Пути интеграции в мировое сообщество. М., 1995. С. 9 - 38.
6. Дмитриева О. Региональная экономическая диагностика. СПб., 1992. С. 203, 206.
7. Саидбаев Т. Между вчера и завтра // Звезда Востока. Ташкент. 1991. No. 8. С. 11.
8. Александров Ю. Г. Средняя Азия: проблемы стратегии развития. В: Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть I. М., 1993. С. 175.
9. Акимов А. Россия - Центральная Азия: перспективы экономической интеграции // Азия и Африка сегодня. 1994. No. 6.
10. Цит. по: Бизнес и политика. М., 1995. No. 5. С. 62.
11. Ерасов Б. Указ. соч. С. 11.
12. Naby E. The Emerging Central Asia. Ethnic and Religious Factions // Central Asia and the Caucasus after the Soviet Union. Domestic and International Dynamics / Ed. by Mohiaddin Mesbahi: University Press of Florida, 1994. P. 51.
13. Malashenko A. Islam versus Communism. The Experience of Coexistence // Russia's Muslim Frontiers. New Directions in Cross-Cultural Analysis. Edited by Dale F. Eickelman: Indiana University Press, 1993. P. 67.
14. Dudoignon S. Changements politiques et historiographie en Asie Centrale (Tadjikistan et Uzbekistan, 1987 - 1993) // Cahiers d' etudes sur la Mediterranee orientale et le monde turco-iranien. Paris: CEMOTI. 1993. No. 16. P. 117.
15. См.: Peker G. Islam: Myth or Reality in Central Asia // Eurasian Studies. Ankara, No. 3. 1996. P. 75.
16. См.: Караван. Алматы, 1994. 11 ноября.
17. Народное слово. Ташкент, 1996. 13 апреля.
18. Независимая газета. 1994. 21 июня.
19. Наиболее яркой фигурой среди мусульманских евразийцев, вне всякого сомнения, является руководитель Исламского центра Таухид философ Гейдар Джемаль, в начале 90-х годов бывший одним из создателей и участников всесоюзной Исламской партии возрождения.
20. Мясников В. Евразийская идея и ее перспективы // Бизнес и политика. М., 1995. No. 5. С. 63.
21. Новая ежедневная газета. 1994. 4 марта.
22. Тарков А. Расширение НАТО на Восток: необходимость или роковая ошибка // Казахстанская правда. Алматы, 1997. 25 февраля.
23. См.: Независимая газета. 1996. 30 октября.
24. Olcott M. Islam and Fundamentalism in Independent Central Asia. Conflicting Legacies / Ed. by Yaacov Ro'i. London, 1995. P. 21.
25. Арапов А., Уманский Я. Центральная Азия и Россия: вызовы и ответы // Свободная мысль. Москва, 1994. No. 5. С. 78.
26. Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, следствия, перспективы / Под ред. Г. Витковской. Московский центр Карнеги. Carnegie Endowment for International Peace. Научные доклады. Вып. 11. М., 1996. С. 6.
27. Мы сознательно абстрагируемся от вопроса о различиях в дефинициях - "исламизм",

"исламский фундаментализм" и пр. Речь в данном контексте идет о деятельности исламских политических организаций, которые в поисках альтернативы еврохристианской модели социального развития провозглашают своей целью переустройство государства и общества по исламскому образцу и в своей деятельности максимально используют ислам как средство воздействия на общественное сознание и как орудие борьбы за власть.

28. См.: Слово Кыргызстана. Бишкек, 1995. 15 июля.

29. Lubin N. Islam and Ethnic Identity in Central Asia: A View from Below // Muslim Eurasia... P. 70.

30. Из 1000 опрошенных в пользу Запада и Японии высказалось в Узбекистане 519 и в Казахстане 423 человека; в пользу мусульманских стран - 66 (см.: Ibid.).

31. Киреев Н. Турция - путь в Европу или возвращение в Центральную Азию // Восток. 1996. No. 5. С. 68.